

1. Общие замечания.

Каждую секунду из мира уходит три человека. Несмотря на это, вокруг да около смерти нагромождено невероятное количество фантазий, суеверий и лжи. Лишь бы чем-то прикрыть пугающую очевидность исчезновения, заменив её каким угодно вымыслом, где вместо жуткой бесконечности пустоты будет фигурировать пускай очень хитрая, опосредованная, но все же являющаяся продолжением нынешней, действительность.

Все мировые религии основаны с этой целью. Христианские или другие богословы могут предъявить сколь угодно сложные спекуляции, однако суть дела остается простой, как кукиш - не десять заповедей, и не нагорная проповедь имеют главное значение в религии, а миф о загробной жизни, плюс конкретно предъявленный, документированный пример.

Заповеди служат лишь способом торжественно обставить акт продажи товара мнимого бессмертия. Даже представлять себя в аду все-таки несравненно легче, нежели представлять себя нигде. Смерть неизбежна, все это признают, но каждый так или иначе хочет верить в бессмертие, точнее, если можно так выразиться, в существование способа нейтрализовать смерть и ее последствия. Одновременно большинство людей панически ее боится, считая по определению свою жизнь безусловным благом, а смерть - абсолютным злом. Но что такое смерть, не знает до конца никто, если не верить опытам столоверчения.

Жизненный опыт человека может, однако, включать состояния, сколь угодно близкие к смерти. Тогда он обладает некоторым знанием о процессе умирания, и о том, что за ним следует. Тут возможно возражение, что умирание - это лишь впечатления еще живущего человека. Но чем, как говорится, богаты, тем и рады. О смерти и умирании пойдет речь дальше. Предмет, мягко говоря, не нов. Огромная масса литературы, посвящена смерти. Большие писатели, писатели поменьше - все отметились. Возможно, все сказанное мной уже говорилось, в точно такой же, похожей, или несколько иной форме; порциями или целиком. Процесс анализа и воспоминания, организация и приведение в порядок усвоенного мной опыта, являются единственным мотивом написания этого текста.

2. Опыт внезапной смерти.

Случай произошел в 1993 году во Франции. История, которая привела к тому, что дуло пистолета было вплотную приставлено к моему глазу, не имеет значения, и мне неинтересно о ней писать. Простой пересказ фактов выглядит, как безвкусный бульварный кич.

Сначала я вообще не понял, что произошло. Первым делом я почувствовал странный, неуместный в данной ситуации запах. Он походил на вонь дыма горящего целлулоида, с которым мы баловались в детстве, пуская самодельные ракеты. Затем я ощутил толчок и понял, что оглох, уши крепко заложило. Я почувствовал сильную боль, стал поднимать руку к лицу, но увидел на руке и внизу на асфальте большое количество крови.

Только тогда, наконец, до меня дошло, что все это означает - меня убили, мне крышка, поскольку после выстрела в упор в голову не выживает никто, а значит, я досматриваю последние кадры, и пленка вот-вот оборвется. Мне стало ужасно жалко себя. С пронзительной тоской и досадой я подумал о несправедливости мира, где я, в сущности, и не пожил как следует, все только готовился, собирался жить, а тут-то и конец.

Но вернемся к ощущениям. Пожалуй, можно отметить ускорение личного времени по сравнению с внешним: все происходило как при замедленной съемке. Другим важным моментом была инверсия порядка следования ощущений. Приемка материалов сознанием от органов чувств шла в последовательности: запах - звук - боль - картинка. Первым отреагировало самое, казалось бы, медленное чувство обоняния, менее всех

причастное к регистрации смерти. Организм, самостийно от сознания тоже не желавший верить, что ему каюк, первыми пропустил данные обоняния, как самые, вроде бы, безобидные. Затем ему все-таки пришлось регистрировать остальное.

После выстрела я откинулся спиной на стену кузова небольшого грузовика (как я потом прочитал в деле, мебельного фургона для мелких перевозок). Мои ноги подкосились, и я стал сползать по стенке грузовика, а потом завалился лицом вперед. Горевать о своей кончине я как-то перестал. Последней осознанной, т.е. вербально артикулированной мыслью была боязнь попасть руками в дерьмо. На французских тротуарах всегда полно собачьего дерьма.. Здесь оно тоже валялось, и мне не хотелось, умирая, в нем вымазаться (похоже, я упал удачно, поскольку гораздо позже, когда при выписке из больницы мне вернули ту одежду, следов засохшего дерьма я нигде на ней не обнаружил). Тревога о дерьме прошла, и дальше я ничего определенного не думал, однако ясность наблюдения сохранилась еще несколько секунд (или минут, не знаю). Сфера моих ощущений сужалась, а сами ощущения перемешивались. Последовательно отлетали все более глубокие оболочки сознания, наподобие снятия слоев с луковицы, или листьев с кочана капусты. Кочерыжка превратилась в маковое зернышко, зернышко - в математическую точку, не имеющую никакой внутренней структуры. Последним чувством был род пульсаций, вероятно, удары еще стучащего сердца, но в то же время эти пульсации можно определить как попеременно возникающий и угасающий свет, или как букву ("Ю", например), но не букву, написанную на бумаге, а если угодно, архетип буквы, лишенный внешних признаков, формы и протяженности. Вместе с тем, пульсации были и звуком (сердца).

Затем все исчезло. Наступила клиническая смерть. Таким образом, по мере умирания, происходил коллапс персональной вселенной, терялись различия между понятиями света, звука, символа. Из ситуаций обычной непрерывной жизни ближе всего аналогия с уходом при глубоком общем наркозе. Однако всякий пациент, вдыхая веселящий газ, надеется проснуться после операции, поэтому он более-менее спокойно засыпает под маской, тогда как человек, уверенный, что наступили его последние секунды, воспринимает все до конца с какой-то неистовой ясностью. Мне могут возразить, что из моих слов смерть получается слишком субъективной вещью, раз ее восприятие так сильно зависит от нашей уверенности в ее приходе. Совершенно верно. Трудно вообразить что-либо более субъективное, персональное, интимное. Возможно, кому-то это покажется не слишком захватывающей идеей, но дело обстоит именно так. Разумеется, возможность наблюдать и воспринимать свою смерть не только субъективна, но и ограничена. Убежден, что испытанные мной ощущения доступны умирающему далеко не всегда. По-видимому, они похожи на то, что чувствует, скажем, голова, отрубленная на гильотине (известно, что такая голова еще некоторое время шевелит губами, пытаюсь поделиться какими-то соображениями, но, увы, ей это обычно не удается). Сходным должен быть опыт человека повешенного или казненного путем инъекции KCl, словом, всякого, кто может наблюдать свой уход, будучи твердо уверен в его окончательности. Разумеется, тот, кого, к примеру, разрывает на клочки фугасной бомбой, ничего подобного не видит, и душа его, конечно же, не взлетает ни в какие облака, чтобы сверху созерцать куски своего только что покинутого тела, развешенные взрывом по кустам.

Пару слов о вознесении душ и заодно о загробной жизни:

Мой отец начал страдать эпилепсиями, когда мне было лет семь. Его состояние довольно быстро ухудшалось, и вскоре он по знакомству попал в госпиталь им. Бурденко, где ему сделали томографию черепной коробки. На снимках обнаружилась опухоль неизвестной природы, размером с куриное яйцо. В то время к нам ходил некий доктор Перепелицын, который сначала делал отцу какие-то бесполезные уколы, а затем стал носить книги о загробном мире. После одной особо одиозной книги, отец разозлился и прогнал доктора с громким скандалом, за то, что его "готовят в покойники". Однако я тайком успел прочитать книгу. Она содержала свидетельства людей, перенесших состояние "клинической смерти", то есть побывавших на грани небытия. Свидетельства были подозрительно похожи и заключались в том, что перед людьми сначала встает вся их жизнь, наподобие панорамы Бородинской Битвы в Филях, затем душа отделяется от тела, они видят свет, слышат звон, плывут по коридору, или куда-то летят (здесь вариации), после чего их встречают родственники, загодя перебравшиеся на тот берег. Вывод книги: в "лучшем мире" вы не только продолжаете следить за приключениями вашей собственной привычной персоны, но также вас ждет и уютное общение с тетушками. А значит бояться нечего, можно спокойно откидывать копыта. Я не помню, упоминалось ли там, что на том свете можно классно перепихнуться. Кажется, нет - книга была выдержана в рамках протестантской морали. Вряд ли сами авторы ощутили, как это чудовищно скучно - целую вечность пить на том свете чай со своим деверем.... Впрочем, некоторые утверждения той книги оказались справедливы. Они касаются безболезненности. Действительно, состояния умирания, расположенные за пределами последней вербально оформленной мысли (в моем случае - о дерьме), нельзя назвать страданием. Более того, в некотором смысле в них заключался элемент блаженства, т.к. наступала своеобразная легкость, и возвращаться назад уже не хотелось. Мучения вовсе не длились до самого конца и смерть не была их высшей точкой. Имеется целая область умирания, где нет страданий, а есть только легкость. Невозможно соотнести эту легкость с облегчением, которое человек может ощущать в обыденной жизни, скажем, освободившись от тревоги о чем-то. В нормальной жизни человек и его сознание сохраняют свои размеры, тогда как легкость умирающего пропорциональна коллапсу его персональной вселенной. То же и со словами "не хотелось". Я употребил их не совсем корректно, т. к. понятие желания не экстраполируется на эту область. Во всяком случае, ничего мучительного, никакой темноты бытия нас не ожидает. Категории блага и зла становятся неприменимы. Панический страх смерти, который испытывают люди, связан, таким образом, только с неизвестностью. Более того, можно утверждать, что с нашей персональной кончиной ничего особенного не кончается. Тут самое тонкое место, и самое важное одновременно. Я отнюдь не имею в виду существования загробной жизни. Но в то же время, исчезновение всего для меня ни в один из моментов умирания не означало исчезновения мира в целом, а только мой уход из него, причем, совершенно окончательный. Я уступал место чему-то другому, не являющемуся мной ни в каком смысле. Выше, умирание

сравнивалось с отслоением листов кочана.. Когда процесс завершился, кочана больше нет, но листья продолжают где-то валяться... Нет, плохо. Отдает опять-таки загробной жизнью, да еще и тухлой капустой заодно... Получается, на главный вопрос "продолжаем ли мы существовать после смерти", я не отвечаю ни да, ни нет, а начинаю бормотать что-то маловразумительное. Мутить воду вовсе не входит в мои намерения, как раз наоборот, но здесь я сталкиваюсь с непреодолимой трудностью формулировки. Ближе всего по смыслу был бы ответ "продолжаем существовать, но не мы". Так это и ежику понятно: "отряд не заметил потери бойца". Никуда не годится! Проблема в том, что правильный ответ, выраженный словами, должен неизбежно нарушить закон исключенного третьего, как раз и перестающий работать там, где кончается наше существование и его дихотомичная логика, отраженная в языке. Как быть? Извернуться, чтобы, используя дихотомичный язык, заставить его выразить недихотомичное? Вытащить самого себя из болота за волосы? Не получается. Остается только помычать, или врезать бамбуковой палкой по голове первому, кто сунется под руку. Еще попытка, неудачная, конечно, тоже. Все до одного люди, жившие в XVII веке, давно умерли, с их точки зрения мир погрузился во тьму, исчез, не так ли? Принесите мне эту тьму. Но нет, я так этого не оставлю! Именно здесь самое важное место, и я просто обязан постараться еще что-то объяснить. Предположим, я стою перед зеркалом, в полном здравии и трезвости, наблюдая себя, допустим, перед уходом в гости. Я вижу себя, все нормально, я оцениваю, красиво ли повязан галстук, сознание четко, оно без труда разделяет свое и внешнее. В зеркале - физиономия, вокруг нее - своего рода внешний мир. Затем я несколько сужаю круг своего внимания, например, заинтересовавшись вопросом, хорош ли мой нос. Такой переход в принципе ничего не меняет, до этого я созерцал всю физиономию, теперь вот только нос. Важно, что я продолжаю интересоваться исключительно собственной персоной. Вдруг я замечаю на носу прыщик и с тревогойзираю уже только на него. Проницательный читатель наверняка догадался, что описанная последовательность соответствует коллапсу сознания при умирании. Теперь, от созерцания на своем лице прыщика, я пробую еще сильнее сузить сферу наблюдения, чтобы она сперва превратилась в математическую точку, а потом совсем исчезла. Что произойдет? Я опять увижу всю комнату, и возможно, себя в ней, с глупым видом стоящего у зеркала. Таким образом, сужение до исчезновения в какой-то момент обернулось расширением. Оказалось, "ничто" - это и есть в точности "все", почти как в революционной песне. Примерно это и произошло, когда "все исчезло".

Конечно, мой опыт далеко не уникален. Есть много людей, переживших нечто похожее. Но толковых свидетельств на удивление мало. Одни просто ничего не поняли и не могут сколько-нибудь вразумительно описать свои чувства, что и правда, нелегко. Другие не желают говорить об этом. Полагаю, они чувствуют неловкость - от них ждут чего-то захватывающего и утешительного одновременно. По сравнению с ожиданиями слушателей, им нечего сказать. Третьи свихнулись.

Доктор-психиатр, освидетельствовавший мое состояние, уверял, что я обладаю весьма стойкой психикой, т.к. большинство прошедших через подобное становятся неспособными к нормальным коммуникативным актам. В целом, однако, опыт внезапной смерти мало что во мне изменил. Я довольно быстро адаптировался и зажил "нормальной жизнью" - стал много работать, пьянствовать, заниматься спортом, ухаживать за какими-то левыми женщинами, писать разные глупости на usenet, и так далее. О происшествии 93 года я старался вспоминать как можно меньше. Порой я извлекал из него даже некоторую выгоду: случившееся придавало мне налет таинственности. Меня иногда спрашивали, мол, ну как там, по ту сторону, а я многозначительно надувал щеки и молчал.

3. Опыт постепенной смерти и его воздействие на личность.

В 1996 году с моим организмом стали происходить странные вещи. Я вначале не придавал этому значения, отделяясь словом "нервы", т.е. "ерунда". Однако состояния прогрессировали, и мне волей-неволей пришлось обратиться к врачам, которые не сказали ничего определенного, но сильно качали головами. Оказалось, организм демонстрирует все симптомы довольно редкой фатальной болезни, убивающей наверняка за 2-3 года. Никаких точных способов диагностики этой болезни нет. Главным методом лечения является наблюдение за состоянием больного, которое должно медленно, хужать, что и происходило. Чтобы видеть развитие процесса, достаточно было подойти к зеркалу.

Дверь, куда мне чуть не пришлось войти 3 года назад, снова открылась, и оттуда довольно сильно сквозило. Чувство неопределенности было невыносимым. Вокруг находились близкие люди, моя недавно родившаяся дочь. Я не знал, как себя с ними вести, неопределенность полностью дезориентировала меня. С одной стороны, мне не хотелось покидать их, но с другой я был почти уверен, что скоро придется это сделать. Источник мучений заключался именно в этом "почти". Я поворачивался к ним то спиной, то лицом, иногда меняя положение по нескольку раз в день, вертелся как волчок. Одному мне было бы гораздо легче. Как минимум на полгода я утратил способность чем-либо интересоваться во внешнем мире, проявлять инициативу и смекалку. Существование сводилось к механическому повторению рудиментарных бытовых актов. Однако это не было депрессией, поскольку депрессивному состоянию свойственно отсутствие энергии, истощение и апатия. Со мной происходило нечто совершенно противоположное. Словно внутри работали два мощных мотора, пытаюсь вращать

шестеренки в разные стороны, отчего вся система порой начинала дымиться и вонять горелым. Потребление энергии было поистине огромным, не сравнимым ни с чем из предыдущей жизни. Мне как бы следовало решить непосильно сложную задачу - загадку, не имеющую к тому же четкой формулировки, как будто найти смысл в бессмысленном действии.

Наконец, напряжение превысило предел и что-то внутри словно лопнуло, или скорее, сдвинулся некий рубильник. Я ощутил необыкновенное облегчение, как после удаления большого зуба. В этот момент я совершенно расслабился, сдался, и на самом глубоком уровне окончательно признал и постановил, что умру очень скоро. Я совершенно перестал надеяться и стал жить как если бы был абсолютно уверен, что конец наступит завтра, вернее сегодня вечером... Разговор о подобном отношении к жизни тянется веками. Эпикурейцы, стоики, пламенный пошляк Хафиз. "Не оплакивай, смертный, вчерашних потерь..." или это Хаям? Какая разница. Даже пара песен на эту тему есть в совковой эстраде... Необходимы пояснения. Фокус состоит в том, чтобы понять сказанное не в благостно-философском смысле (он мудрый!) или сопливо-поэтическом (любите... за то что я умру!), а в конкретно-бытовом, без всяких сентиментальных прижмуриваний. Произнести фразу "сегодня я умру" ровно, без надрывного крещендо. Еще несколько месяцев мое физическое состояние продолжало ухудшаться, но меня это больше не заботило. Мало - помалу процесс затормозился, и затем, ко всеобщему удивлению, остановился вовсе. Приговор не был подписан.

Когда стало ясно, что официальная кончина несколько откладывается, выяснилось, что мне не удастся, да и не хочется возвращаться в старое, т.н. "нормальное" душевное состояние, которое с новых позиций выглядело как рабская зависимость и крайняя уязвимость. Возвращение к "нормальной жизни" стало таким же невысказанным безумием, как возвращение младенца обратно в утробу. Отныне смерть постоянно присутствовала рядом (она и сейчас здесь). Я физически ощущаю, что в мире отсутствует какая-либо сила, которая бы меня держала на плаву, кроме моей собственной, или по-другому, нет никакого внешнего соглашения, дающего мне гарантии, что я проживу еще хотя бы один день. Более того, сама действительность уже не представляется мне такой плотной и достоверной, как раньше. Вместо былой непрерывности, теперь я чувствую вокруг огромные пустоты, находясь среди которых, окружающий мир подобен тонкой непрочной сетке. Боюсь, что без хорошей, внятной аналогии все сказанное выше останется пустыми словесами. К счастью, такая аналогия есть, причем каждый может чисто механически, без труда перевести себя примерно в то состояние, о котором я говорю. Надо только сесть на мотоцикл, выехать на хайвей, и как следует выжать газ, где-нибудь до отметки 200... Тогда тело и нервы сами выполняют за вас работу, непосильную для мозгов ни в одном Нобелевском кабинете... Пространство превратится в туго натянутую нить, а время исчезнет как таковое, сжавшись почти до нуля в вашей руке, держащей руль. Это хороший способ узнать, что такое "настоящее время", я назову его "чистое настоящее". Само-сознание также претерпит изменения. Даже если человек - уважаемый гражданин общества, нежный муж и любящий отец, лауреат каких-нибудь премий, и доктор различных наук, у него просто не будет возможности об этом помнить, т.к. за отметкой 200 км/ч любая из этих мыслей пахнет концом. Страхом это состояние назвать нельзя, поскольку для страха важна протяженность, наличие прошлого и

будущего, в котором могла бы развернуться ответственная за страх мысль "а если...", что совершенно невозможно, когда смерть находится всюду, вокруг, на расстоянии локтя... Мгновения "чистого настоящего", переживаемые мотоциклистом, воином, и кем угодно другим, чья смерть стоит с ним рядом, не сравнимы по интенсивности с разболтанной, вялой, идиотской действительностью обывателя, который обычно даже не отдает себе отчета в, том, где и зачем он находится, живет ли он, или так, дремлет. Можно сказать, что после двойного опыта смерти, я захотел стать байкером. Разница лишь в том, что на газ все время жмет кто-то другой, не я. Боюсь, не влезут ли сюда опять Хаям, "есть только миг", "жить, любить и верить", "посадить ребенка, вырастить книгу"... Наплевать! Только голая интенсивность проживания каждой секунды, без всяких дополнительных смыслов.

Полагаю, для достижения такого состояния было очень важно, что вначале я получил хорошую прививку внезапной смерти (хотя и не усвоил урока), а затем уже подвергся основному испытанию. Иначе в 96 году я бы просто ушел в глухой отказ и матросскую тишину. Напряженный анализ предыдущего опыта умирания защитил меня от "Не хочу", оно не прозвучало ни разу. Отсутствие животного страха позволило сконцентрироваться на другом. Постоянная близость смерти в корне меняет структуру личности. Многие общечеловеческие ценности навсегда сделались для меня чуждыми, непонятными. Например, такая, как честолюбие; тщеславие. Мне очень трудно общаться с коллегами - учеными. По профессиональным надобностям часто приходится встречаться с "маститыми", проникнутыми сознанием своего величия, и еще чаще - со страстно желающими стать таковыми. Все они кажутся мне круглыми идиотами; жалкими и странными дураками. Я не вывожу этого мнения из каких-то умозаключений, но просто когда я вижу такого человека, меня начинает разбирать смех, и возникает желание сделать что-нибудь неприличное, совершить дурацкую выходку - встать на голову, показать половые органы, или задницу, захрюкать как свинья... как бы в надежде, что сейчас он тоже засмеется, скажет, что всего лишь разыгрывал меня, шутил, и прекратит свой тяжелый, глупый маскарад. Здесь я чувствую фальшь.

Из сказанного выше словно вытекает, что испытав опыт смерти, я набрался какой-то мудрости, ставящей меня выше прочих, и одновременно стал лучше как человек - добрее там, честнее, искреннее, и так далее. Это чушь. Никакой особой мудрости я не чувствую, не могу, да и не хочу ей делиться. Что касается "человеческих качеств", то они явно изменились к худшему. По крайней мере, у меня не осталось ни одного из прежних друзей и приятелей, которых раньше было довольно много, на сети и в реальной жизни. Все они как-то потихоньку перестали со мной общаться. Думаю, в плане человеческих качеств я стал отъявленным говнюком. Но меня это не тяготит нисколько. Мнение и слова других перестали иметь какое-либо значение, и наоборот, похоже, именно поэтому, люди дружно исключили меня из всех клубов, где я состоял действительным или почетным членом: компанейской приятельщины, деловой серьезновщины, богемной тусовщины, веселого пофигизма, изящной словесности, из мужского клуба, из клуба ностальгии по прошлому, из любовников надомников, из алкашей собеседников... - отовсюду, поганой метлой. Я не подавал заявлений об уходе, не орал ни на кого, не брил и не красил волос на черепе, старался быть опрятным, приветливым, и чаще называть собеседника по имени, как рекомендует Карнеги. Но люди все равно чувствуют, что я

их ни капельки не уважаю. Отсох самый орган уважения. Можно, скажем, не уважать работу и начальство, но тогда надо все же уважать союзников по такому неуважению, что приводит в клуб пофигистов. Или не уважать условности, табу и запреты внешнего общества, пить, ходить по бабам, - тогда прямая дорога в мужской клуб. Опять же между членами мужского клуба есть пиетет, и даже иерархия, на вершине которой стоит тот, кто "может вечером выпить литр водки, ночью удовлетворить 8 женщин, а наутро бежать кросс 10 км". Так или иначе, человек, лишенный поддержки смерти, должен прибиться к каким-то берегам, встать на определенные позиции, пусть даже они называются "совершенно неопределенными". В новом состоянии мне стало одинаково все равно на величие учености, на мужинство, на поэтическую тонкость души, ...на что угодно еще. Не декларативно, а глубоко - глубоко, на уровне рефлексов. Продолжая аналогию с мотоциклом, можно сказать, что байкер не способен обращать внимание на марки и дороговизну обгоняемых машин. Все что он регистрирует - их положение и скорость.

4. Еще несколько общих замечаний.

Я еще раз перечитал этот текст. Он лапидарен, интеллектуально примитивен, философским осмыслением и не пахнет. Разумеется, после личного опыта смерти я не мог не обратиться к соответствующей "глубокой" литературе. Несколько философских, умных и сложных книг, трактующих вопрос смерти, произвели на меня впечатление болтовни семилетних детей о половой жизни взрослых - ты че, у них все не так, я сам видел... В соответствующем возрасте мы подолгу обсуждали эти вопросы, и нам наши собственные разговоры казались ужасно интересными. Друг друга мы считали чрезвычайно сведущими людьми... Поэтому я старался свести к минимуму любые философствования, предпочитая как можно более простое описание своих наблюдений.

Что еще добавить? Очень немного можно сформулировать позитивно, "обобщить", как теперь принято говорить. Во-первых, нет никакой причины пренебрегать текущей жизнью "чистым настоящим" ради чего-то еще. Кроме нее, нет ничего, как-то соотносящегося с нашей персоной. Бессмысленны любые попытки выхода за эти рамки. Понимание ограниченности "слишком человеческого" вовсе не означает однако добровольного самозаточения в цугундер унылой бытовой бодяги, или связывание себя дебильным социальным распорядком. Смерть равно прерывает и вегетативное существование западного обывателя, и полную духовного опыта жизнь просветленного будды Тибета. Разница - не в том, что с ними происходит в момент ухода, а в отношении к происходящему. Во-вторых, все, что происходит в поле нашего зрения, не имеет абсолютно никакого значения, включая, разумеется, и этот текст.

Автор счел ненужным упоминание своего имени.